

**Революционный кризис и революционные иллюзии.
Компартия Чили и Коминтерн: от Социалистиче-
ской республики к осуждению «рекабарренизма».²**

1932 год вошел в историю Чили как кульминация социально-экономического и политического кризиса, вызванного Великой Депрессией и окончательным разрушением экспортной модели развития, основанной на селитре. Кризис привел к падению в середине 1931 года диктатуры Карлоса Ибаньеса дель Кампо, создавшего первый в регионе корпоративистский модернизаторский режим. Однако политические партии и экономические и интеллектуальные традиционные элиты, представленные в сменившем его правительстве Хуана Эстебана Монтеро, не смогли стабилизировать политическую и экономическую ситуацию в стране. Между тем глубина социального кризиса угрожала взрывом народного недовольства. Как и во многих затронутых кризисом странах, в Чили наступивший этап кризиса многим представлялся как финальная фаза краха всей системы. Образ грядущей революции, которую кто-то ждал, а кто-то боялся, с каждым днем становился все ближе, за ним маячил призрак большевистской России. Пока капиталистический мир погружался в бездонную пучину кризиса, Советский Союз не был затронут им благодаря экономической автаркии и продолжал свое индустриальное развитие в рамках пятилетних планов и всеобщей занятости. Идея социализма сама по себе становилась все более популярной в западных обществах, задавленных кризисом. Это объективно способствовало усилению левых партий, и Чили не была исключением.

Этот период кризиса впервые в чилийской истории стал интерпретироваться национальными политическими силами в идеологемах эпохи. Так, восстание в сентябре 1931 г. моряков, протестующих против снижения и без того низких зарплат, воспринималось сквозь призму броненосца «Потемкина» как начало неминуемой революции. Во второй половине 1931 г. в Чили возникли несколько новых партий, назвавшихся «социалистическими», либо провозгласившими социализм конечной целью своей деятельно-

---

¹ Преподаватель Университета Сантьяго-де-Чили, директор аспирантуры ИДЕА УСАЧ.

² Перевод Богуш Е.Ю.

сти. Хотя каждый из их членов вкладывал свое понимание в эту концепцию, очарование социалистическими идеалами захватывало все большие слои общества, в которых росло отчаяние по мере углубления кризиса.

Объективно эта ситуация благоприятствовала Коммунистической партии Чили, тем более, что речь шла о политической силе, уже два десятилетия назад пустившей корни в рабочем движении, представленной в парламенте в 20-х годах. В провинциальной атмосфере Чили тех лет даже связь партии с Коминтерном в Москве для многих скорее являлась плюсом, нежели минусом, так как придавала ей международный масштаб, ассоциировала ее с экономическими успехами Советского Союза тех лет. Если бы чилийские коммунисты, как и все коммунистические партии мира той эпохи, не были заражены крайним сектантством, будучи больше озабочены чистотой своих рядов и внутренней борьбой с ересями в движении, то, возможно, им бы удалось направить в нужное им русло массовое недовольство и стать важной политической силой страны.

Однако из-за внутренних расколов и преследований Ибаньеса чилийские коммунисты в те годы не вняли здравому смыслу, не учли особенностей политической и социальной культуры своей страны, хотя ранее он смогли стать основной силой профсоюзного движения, имевшей также политическое влияние в парламенте. С другой стороны, коллапс селитряной промышленности, рабочие которой были ядром партии, также способствовал падению её влияния.

Коминтерн, в лице Бюро или Южноамериканского секретариата (ЮАБ), проводил по отношению к терявшим влияние чилийским коммунистам политику «большевизации». Коммунистическая историография представляет ее как помощь в приближении внутренних структур КПЧ к большевистской модели, что действительно обеспечивало большую степень внутренней сплоченности, дисциплины и оперативности партии. Однако, речь шла в первую очередь о строгом выстраивании компартий всего мира в соответствии со сталинской линией советской компартии после ее внутренней победы над всей «оппозицией». Среди латиноамериканских компартий (особенно тех, которые, как и чилийская, были созданы и возглавлялись рабочими-самоучками) внутрипартийные дебаты в Советской России и Европе были практически неизвестны, а ЮАБ по-своему интерпретировало внутренние разногласия латиноамериканских компартий. Степень вмешательства ЮАБ в

дела чилийской компартии была довольно высокой. В Чили постоянно находились один или несколько эмиссаров ЮАБ, которые не только идеологически «направляли» лидеров партии, но и активно участвовали в процессе выбора самих лидеров на основе критериев функционирования вертикальной системы Коминтерна.

Что касается стратегии Коминтерна в этот период, она была основана на понимании Великого кризиса как прелюдии Мировой революции. Предполагалось, что коммунистические партии должны готовиться к тому, чтобы возглавить эту революцию в нужный момент. Действия компартий подразумевали поддержку и организацию различных акций – от всеобщих забастовок до восстания масс под руководством коммунистов с целью дальнейшего установления «советской власти» и «диктатуры пролетариата». Революция должна была носить социалистический характер, поэтому компартия как носитель абсолютной правды Коминтерна не собиралась ни с кем делить свое лидерство. Это сектантство привело к крайней изоляции чилийских коммунистов.

Падение численности компартии, а также связанных с ней профсоюзов, вкупе с огромной безработицей среди слоев, составлявших ее социальную базу, отсутствие у нее парламентариев (которые в рамках коммунистической культуры жертвовали свою зарплату партии) – все это лишало чилийских коммунистов собственных ресурсов, делая их более зависимыми от финансирования Коминтерна. В отличие от последующих периодов это финансирование не было регулярным, деньги передавались «инструкторам» Коминтерна в стране и тратились по их усмотрению.

В данной статье на основе документов Коминтерна будет дан анализ развития чилийского коммунистического движения на протяжении бурного 1932 года, его отношений с возникшими социалистическими группировками и партиями, восприятие КПЧ Социалистической республики Мармадуке Грове, а также интерпретации этих событий Коммунистическим Интернационалом.

В конце 1931 г., после восстания моряков³, чилийские коммунисты подвергли анализу его «уроки» и последствия в ожидании повторения событий при сходной конъюнктуре. ЮАБ впервые посвятило Чили программный документ под названием «Великая борьба чилийского пролетариата», где массовое движение в стране в 1931 г. ставилось в один ряд с мексиканской революцией. Начав

---

³ Речь идет о восстании на флоте в Талькауано, жестко подавленном правительственными войсками – см. подробно - История Латинской Америки, т.3. М., 1999. (ред.)

в Чили традицию интерпретации политических поражений в рамках схоластической «теории», КПЧ и ЮАБ видели причины, якобы не позволившие восстанию моряков стать началом пролетарской революции, исключительно в «ошибках» чилийских коммунистов⁴.

Чилийские коммунисты были так погружены в эти дискуссии и в ревностную слежку за поведением изгнанных группы Мануэль Идальго («идальгистов») в президентской кампании, где основная борьба велась между традиционными партиями, группировавшимися вокруг Хуана Эстебана Монтеро и А.Алессандри, а участие левых кандидатов было маргинальным⁵, что не заметили возникновения в последние месяцы 1931 г. многочисленных группировок и партий с социалистическим названиями. Уже в докладе руководителя ЮАБ Бергера (Артура Эферта), отправленном в Москву 3 августа 1931 г., наряду с описанием обстоятельств падения режима Ибаньеса в Чили указывалось, что «мелкобуржуазные» группировки, которые сыграли решающую роль в его свержении, «пытаются организовать социалистическую партию «марксистского толка»⁶. Однако этому не придавалось особого значения, все рассматривалось лишь в рамках отслеживания деятельности «еретиков». Представитель ЮАБ в Чили Паулино Гонсалес Альберди в своем письме из Вальпараисо 5 августа 1931 г. указывал, что часть «троцкистско-идальгистской фракции» в Айсене создала Социалистическую марксистскую партию, стоящую на демагогических позициях...»⁷. Имена Мармадуке Грове и Эухению Матте не фигурировали в переписке КПЧ и Коминтерна вплоть до провозглашения Социалистической республики.

Эта неспособность распознать новые политические феномены в стране была следствием сосредоточенности чилийских коммунистов на своих внутренних проблемах, а также полного отсутствия взаимодействия между политическим миром коммунистов, состоявшим из пролетариев и посвященных в доктрину, и ос-

---

⁴ Tesis del Buró Sudamericano de la Internacional Comunista sobre las grandes luchas revolucionarias del proletariado chileno, 4 de septiembre de 1931 - Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), Ф.495.оп.10. д.26.

⁵ Элиас Лаферте, официальный кандидат коммунистов, получил 1226 голосов, диссидент Мануэль Идальго – 2434

⁷ Carta de Paulino González Alberdi a la Comisión Sindical Latinoamericana en Montevideo, 5 de agosto de 1931, - РЦХИДНИ, Ф.495.оп.106.д.25.

тальным чилийским политическим миром, рассматриваемый коммунистами как «буржуазный». Тем большим было удивление коммунистов, тем сложнее стала для них оценка Социалистической республики, обосновавшейся в «Ла Монеде»⁸.

Трагическое Рождество в Копьяпо и Вальенаре

Удивляет отсутствие в документах Коминтерна по Чили до июня 1932 г. сведений о возникновении социалистических группировок, но еще больше – полное отсутствие сведений о событиях, потрясших в конце 1931 г. всю страну, известных как «трагическое Рождество в Копьяпо и Вальенаре». Речь идет о попытке нападения на казарму полка «Эсмеральда» в Копьяпо в ночь с 24 на 25 декабря 1931 г. Попытка была подавлена, после чего убиты рабочие активисты и просто оппозиционеры в Копьяпо и соседнем городе Вальенаре, где не было никаких попыток восстания. Пресса тех дней обвинила в путчи́зме как алессандристов, так и коммунистов, пытаясь между делом нивелировать различия между ними и связать их всех с военными, сторонниками свергнутого диктатора К.Ибаньеса и другими недовольными. Из комментариев в прессе можно предположить, что в заговоре были замешаны местные лидеры обоих политических течений в Копьяпо. Однако журналистские источники не позволяют сделать вывод, было ли это стратегией политического руководства или «местной инициативой».

Доступные сейчас документы Коминтерна указывают, что это событие не было подготовлено и не руководилось КПЧ, хотя в то время идея восстания была частью ее стратегического багажа. Действительно, события в Копьяпо и Вальенаре лишь однажды упоминаются в документах, в докладе представителя Коминтерна в Чили Фрица Глауфбауфа⁹ в конце 1934 г., где они описаны не как

---

⁸ Президентский дворец в Сантьяго. (ред.)

⁹ Фриц Глауфбауф (1901-1975), австрийский коммунистический руководитель, в 1923-1930 гг. работал в Москве в аппарате КИМа и Коминтерна, участвовал в подпольных миссиях МОПРа. В 1930-1935 гг. Был членом ЮАБ, отвечавшим за Региональную партийную школу кадров. Жил в Монтевидео. В 1935 г. был арестован в Чили, где организовывал партийные курсы. После высылки из Чили вернулся в Москву, где продолжил работу в аппарате Коминтерна. В 1936-1937 гг. работал в партийных школах во Франции. В 1938-1940 гг. работал в Отделе прессы и пропаганды Коминтерна, возглавив его телеграфное агентство «Supress». В годы вой-

«действия партии», а лишь как массовые репрессии. Другие эпизоды народной борьбы, в которых КПЧ в той или иной степени участвовала или хотела приписать себе это участие, постоянно упоминаются в ее документах. Однако провалившиеся инициативы, а также поведение КПЧ в критические моменты бурной чилийской истории были неоднократно проанализированы различными органами Коминтерна и подвергнуты ревизии, что позволяет сделать вывод о неучастии действовавшей строго в соответствии с инструкциями Коминтерна КПЧ в этой попытке восстания.

Стоит напомнить, что в годы диктатуры Ибаньеса чилийские коммунисты пережили несколько серьезных расколов, многие старые члены партии оказались лишены связи с центральным руководством, но продолжали считать себя коммунистами и часто действовали в соответствии с собственными критериями, без ведома руководства КПЧ. Это объясняет тот факт, что хотя КПЧ искренне не владела информацией и попытках восстания в Копьяпо и Вальенаре, Вальенар упоминался в «послужном списке» одного из ее членов, составленном годы спустя.

Личное дело Гильермо Гевары Варгаса, хранящееся в архиве Коминтерна, гласит, что этот сапожник, член КПЧ с 1922 г. и региональный руководитель партии в Антофагасте до диктатуры Ибаньеса, самостоятельно создал партийную организацию в Вальенаре и «организовал движение безработных, охарактеризованное партией как путч (они собирались атаковать казармы, захватить оружие и вооружиться), который был жестоко подавлен, со многими жертвами»¹⁰. Организатор восстания не терял связи с КПЧ, напротив, когда скрывался в Сантьяго после поражения движения, он был в контакте с партией. Несмотря на критическое отношение КПЧ к организованной им попытке восстания, он был выдвинут в 1933 г. в Центральный комитет, а в 1940 г. стал членом Политбюро КПЧ. Товарищи по партии называли его активным и дисциплинированным коммунистом, хотя и «недостаточно политически образованным».

События в Вальенаре КПЧ не причислила к своим инициативам, и похоже, что это соответствовало действительности, так как партийные структуры не участвовали в их подготовке и не знали об этих планах. Видимо, после трагической развязки и кажущейся

ны имел удостоверение иностранного журналиста в СССР, корреспондента газеты КПЧ «Эль Сигло». В 1945 г. вернулся в Австрию.

¹⁰ РЦХИДНИ, Ф.495. оп.273. д.25

бессмысленности восстания КПЧ предпочла не включать его в свою коллективную память мучеников и «уроков» на будущее.

Сведения о том, что этими событиями руководил отколовшийся член партии, остались лишь в закрытом досье этого коммуниста, и хотя он действовал неразумно, его действия не были угрозой партийной линии.

Подтверждение этой гипотезе мы находим в статье, опубликованной в тогдашнем официальном органе КПЧ «Бандера роха». Первый отклик газеты на события 25 декабря 1931 г. появился лишь 14 февраля 1932 г., что косвенно указывает на слабые связи между чилийскими коммунистами внутри страны. В статье под заглавием «Жестокие убийства в Копьяпо и Вальенаре» (обратите внимание, что акцент изначально ставится на репрессиях) говорится: «Устав от нищеты и разочарования в пустых обещаниях правительства, группа рабочих и крестьян Копьяпо организовала движение, которое можно охарактеризовать как революционную авантюру, что в тех условиях было обречено на поражение»¹¹.

Далее в статье указывается, что правительство знало об этих повстанческих настроениях и дало карт-бланш на организацию провокации и репрессий, провокацией руководил капитан Вильюта, «знавший нескольких товарищей из партии и ФОЧ» и подстрекавший их к восстанию. «С ложным пониманием революции, поверив, что она происходит путем простого мятежа, без консультации с Центральным комитетом (который, безусловно, не позволил бы и не позволит подобные перевороты), наши товарищи пустились в революционную авантюру»¹².

В отличие от других случаев участия отколовшихся коммунистов в «авантюрах» и «мятежах» в годы Ибаньеса (например, Мануэль Идальго с алессандристами), на этот раз КПЧ продемонстрировала большее понимание участников акции, с которой она не была согласна, возможно, из-за ее трагического финала, а также доверия к ее лидерам. Однако через год, в годовщину событий, та же «Бандера роха» говорила о них лишь как о «массовом убийстве», не упоминая «ошибочное» участие коммунистов¹³.

Эта история не упоминается ни в последующих докладах лидеров КПЧ в Москве, ни в письмах эmissаров Коминтерна из Чили, ни в коммунистической печати, ни в воспоминаниях ветеранов

---

¹¹ Bandera Roja, Santiago, N°18, 14 de febrero de 1932, p.1

¹² Bandera Roja, Op. Cit.

¹³ Bandera Roja, N°60, 7 de enero de 1933

партии¹⁴. Это привело к тому, что она осталась в чилийской исторической памяти как «провокация сил порядка, которые воспользовались ей для подавления восстания», причем эта интерпретация была подхвачена даже консервативной историографией¹⁵.

«Ротос»¹⁶ против гринго»

«Руководство на месте» Коминтерна чилийской компартией продолжалось в 1932 г. так же, как и в предыдущем – через представителей Профсоюзной латиноамериканской конфедерации (КСЛА - CSLA), находившихся в стране. Представители сменяли друг друга, дольше всех из них пробыл в Чили некий Карлос, судя по акценту, житель аргентинской Рио-де-ла-Плата¹⁷. В начале июня 1932 г. в стране находился другой эмиссар Коминтерна, «М.» – так он подписывал свои доклады ЮАБ, написанные по-русски¹⁸. Это единственные собственные прямые источники ЮАБ в Чили в дни Социалистической республики. Однако впервые мы встречаемся с «Карлосом» в апреле 1932 г. КСЛА отправила ему инструкции, критикуя некоторые из его предложений (оригинал доклада

---

¹⁴ Элиас Лаферте рассказывал в своих воспоминаниях, что узнал о событиях в Копьяпо и Вальенаре в Москве из печати и изначально предположил, что речь шла о «полицейской провокации», что подтвердилось после его возвращения в Чили. – Лаферте Э. Жизнь коммуниста. М., 1961, С. 211.

¹⁵ Vial G., Historia de Chile. volumen V. De la República Socialista al Frente Popular (1931-1938). Santiago, 2001, P.95-99.

¹⁶ Буквально: «оборванцы», прозвище чилийских бедняков.

¹⁷ Речь идет о Карлосе Духовне (1903-1973), аргентинском коммунистическом деятеле, по происхождению еврее из России, члене КПА с 1920 г. В 1947 г. вышел из компартии из-за несогласия с ее просоветской ориентацией, проповедовал экономический национализм и аграрную реформу в Латинской Америке. После боливийской революции 1952 г. был советником вице-президента Боливии Эрнана Силеса Суасо

¹⁸ Видимо, речь идет о Марке Хаскине, использовавшем псевдоним «Морис», (1903-?), родился в Вильно, получил диплом врача в университете Монпелье (Франция). В 1928-1932 гг. работал в Южной Америке как представитель Профинтерна. Руководил Латиноамериканской профсоюзной конференцией в Монтевидео в 1929 г. В 1930-1931 гг. работал в Бразилии, был арестован. В 1932-1935 гг. возглавил Латиноамериканскую секцию Профинтерна в Москве. Арестован в Москве в 1936 г.

не сохранился)¹⁹.

Очевидно, этот представитель Коминтерна или сама КПЧ под его руководством в эти дни социальных волнений придумали лозунг «Ротос против гринго», пытаясь «креолизовать», придать местный колорит лозунгам коммунистов, сделать их «более доступными и понятными», привлечь массовую поддержку, затронуть душу местного пролетариата.

ЮАБ полностью отвергло этот лозунг. Слово «рото» показалось ему люмпенским, иррациональным и деструктивным, несоответствующим образу «сознательного пролетария». Бюро предпочитало говорить о «бедняках», но не «ротос». Это неприятие слова «ротос» много говорит об образе «народа», объединяющем самые широкие массы и оправдывающем смысл жертвы просвещенных революционеров из среднего класса.

Известный французский историк Франсуа Фуре оставил нам замечание о том, что революционерами-социалистами становились не пролетарии индустриального общества, а дети буржуазии, воспитанные на идеях «свободы, равенства и братства» и возмущенные их отсутствием²⁰. Но они ищут равенства и братства со страдающими братьями, носителями бесчисленных добродетелей, как распятый Христос. Когда объект социальной любви не соответствовал созданному идеалу, формы непризнания этого могли быть различными: от отрицания реальности до самопожертвования «за народ без народа», либо до разочарования и выхода из партии.

Примечательно, что позитивистская и рациональная книжная культура коммунистов, использующая образ страдающего и сознательного бедняка, не оставляет места романтическому и разбойничьему измерению народа в стиле Робина Гуда или героев горьковских рассказов о бродягах. Это измерение присутствует в разных народных культурах, а также в традиции современных революционных интеллектуалов. Фактически ЮАБ восприняло обращение к «рото» как «анархистскую тенденцию».

Указание на «гринго» как врагов Бюро восприняло как опасность этнического уклона. ЮАБ предпочитало прямые классовые термины «бедные против богатых», не отдавая себе отчет в том, что это противоречит его собственному определению Латинской Америки как «полуколониального» региона и отрицает момент

---

¹⁹ Carta desde el Buró Sudamericano de la Internacional Comunista a “Carlos”, representante del profintern en Chile, 5 de abril de 1932, - РЦХИДНИ. Ф.495.д.106.оп.31.

²⁰ F.Furet “El pasado de una ilusión”, FCE, 1996.

борьбы за «национальное освобождение». Страх перед националистическим уклоном был сильнее. И в этом, помимо крайней универсальности коммунистической идеологии в целом, отразилась европейская ситуация того времени.

Те тонкости, что «рото» в Чили вовсе не люмпены, а социальный конфликт в Латинской Америке неизбежно связан с ее отношениями с северным соседом, были замечены авторами рекомендаций, но они оказались менее значимыми, чем движущие ими причины – полное неприятие всего, что отражало местное своеобразие или популистское заигрывание с маргинальными слоями.

Оставалось совсем немного до появления в стране политической силы, которая могла оспорить у коммунистов представительство интересов пролетариата и бедных слоев, силы с весьма сходным идеологическим проектом, с латиноамериканским, а не универсальным дискурсом и более сложным (хотя тоже искусственно сконструированным) образом народа как субъекта.

В 1932 г. немногочисленная и сектантская компартия Чили принимает во внимание совет ЮАБ и снимает этот лозунг. Сорок лет спустя его дух воскреснет в заголовках самой многотиражной газеты времен Народного единства «Кларин», призывавшей «мунд» и «гринго» делать ноги, так как «идут ротос».

Социалистическая республика

Вернемся в 1932 г. Следующий эпизод эпистолярного обмена между Южноамериканским бюро и его эмиссарами в Чили посвящен бурным дням «Социалистической республики» в июне этого года. Вспомним, что 4 июня 1932 г. правительство президента Монтеро, сменившего Ибаньеса, поддержанное всеми традиционными политическими партиями, но неспособное улучшить социально-экономическое положение различных слоев населения в условиях самого тяжелого кризиса в истории страны и остановить политические и социальные волнения, было свергнуто путем военного переворота. Его возглавила разнородная коалиция социалистов (членов различных социалистических группировок, возникших в годы кризиса, а также независимых сторонников идеи социализма), а также последователей Алессандри и Ибаньеса. Разные крылья движения преследовали различные, часто противоположные цели, соотношение сил между ними все время менялось. Верхушечный военный переворот сопровождался широким социальным движением, во многом спонтанным, за лидерство в нем боро-

лись как левые (КПЧ и ФОЧ), так и те, кто выступал за восстановление общественного порядка (число их росло внутри вооруженных сил и различных слоев гражданского общества).

Фигура возглавившего переворот полковника авиации Мармадуке Грове была довольно загадочна: будучи участником военных мятежей Карлоса Ибаньеса дель Кампо в 1924 г. и 1925 г., позднее он перешел в жесткую оппозицию к Ибаньесу. В начале 30-х годов Грове объявил себя сторонником социалистических идей «особого типа», не примкнув формально ни к какой социалистической группировке, но поддерживая с их лидерами тесную дружбу.

Слабое и недолговременное правительство, вынужденное постоянно маневрировать между различными силами, а также размытый характер самого «социалистического» проекта предопределили непоследовательность и противоречивость проводимых мер. Масштабы и глубина мирового кризиса, и то, что закрытая советская экономика казалась не затронутой им, усилили привлекательность слова «социализм», под которым понималась, прежде всего, огосударствленная плановая экономика. Чили не была исключением, и в начале 1932 г. о «социализме» говорили самые различные политические силы страны, подразумевая под ним каждая свой проект.

Мармадуке Грове

На четвертый день существования «Социалистической респуб-

лики» в Чили Конфедерация профсоюзов Латинской Америки обратилась с директивным письмом в ФОЧ²¹. Это был первый документ, определявший политику Коминтерна по отношению к этим событиям, написанный за пределами Чили по материалам латиноамериканской прессы. В то же время он стал самым «жестким» и далеким от тонкостей чилийской ситуации в тот момент. Так, прибытие в «Ла Монеду» Грове и его соратников характеризовалось в нем не просто как «государственный переворот», что, строго говоря, соответствовало действительности, но и как «классический военный латиноамериканский мятеж», что было далеким от истины.

Лидеры движения охарактеризованы в документе как «ибаньисты», причем под это определение попали и Карлос Давила, и Мармадуке Грове. Эта оценка основана на их общем участии в военных движениях середины 20-х годов, но авторы письма не учитывали (либо просто не знали) последующую эволюцию Грове.

Авторы полностью отрицали «социалистический» риторический новаторский пафос нового правительства как «неслыханную демагогию», а само правительство заклеили как «фашистское». Его поддержка «некоторыми лидерами социалистов и... некоторыми ренегатами-коммунистами...» ничего не меняла для руководителей Коминтерна, напротив, служила им для подтверждения в стиле «третьего периода» тактики Коимтрена обвинений в социал-фашизме всех социалистических течений, несогласных с коммунистами.

Из письма предстает картина свержения непопулярного буржуазного правительства путем фашистского переворота, ставившего целью избежать истинной революции под руководством КПЧ. Вместе с абсолютно нереалистичной оценкой способности к действию креольского коммунизма в этом анализе, написанном европейскими функционерами КСЛА²², явно прочитываются параллели позицией Коминтерна год спустя перед лицом гибели Веймарской республики и прихода нацистов к власти.

Исходя из этой характеристики правительства Грове, КСЛА дала соответствующие указания КПЧ. Несмотря на то, что правительство было объявлено «фашистской хунтой» (похоже, это термин был употреблен впервые в чилийской истории), коммунистов призывали не свергнуть его, а лишь «не иметь иллюзий» относительно его «демагогических» обещаний, не оказывать «никакой поддержки» и «разоблачать... его национал-фашистский харак-

---

²¹ Carta de la Confederación de los Sindicatos de América Latina (CSLA) a la FOCH, 7 de junio de 1932, - РЦХИДНИ, Ф.534.оп.6.д.139

²² Напомним, что оригинал документа написан на русском языке

тер». Однако авторы все-таки предполагали большее внимание правительства к социальным требованиям, поэтому рекомендовали организовать забастовки и демонстрации с конкретными требованиями.

Отражением милитаризации чилийской политики того времени стало требование «немедленного роспуска белой гвардии, легионов и других военных формирований прежнего правительства», в то время как КПЧ и ФОЧ ставится «первоочередная задача создания органов пролетарский самозащиты на фабриках, заводах, местах концентрации безработных и т.п.» Под военным характером правительства подразумевались скорее не внутренние репрессии, а возможность втягивания Чили в «империалистическую войну».

В то время как это руководящее письмо КСЛА походило последние проверки, переводилось на испанский язык, пересылалось из Монтевидео в Сантьяго, представители Коминтерна в чилийской столице сами дали анализ деятельности правительства Грове, принимали решения и оправдывали их перед вышестоящими инстанциями Коминтерна. Так, на следующий день после редактирования в Монтевидео вышеуказанного письма представитель КСЛА в Чили Карлос Духовне опубликовал свою оценку событий, менее жесткую и учитывающую тонкости необычной чилийской ситуации²³. Предостерегая от искушения навешивать ярлыки, он утверждал, что «нынешняя правительственная хунта является крайне разнородной», «внутри хунты есть серьезные противоречия». Грове назван одним из «самых радикальных» элементов правительства. Автор доклада не только разоблачал стереотипы латиноамериканского военного каудильо: «он не ставит цели навязать военную диктатуру», но и улавливает суть левого национал-реформизма в этом движении. «Они полуапристы», - это наиболее точная характеристика, которую можно было дать полковнику Грове и его движению с региональной латиноамериканской точки зрения. Рядом с Грове ставится профессор Лагарриге, «социалистический теоретик», которого «считают коммунистом». Духовне характеризовал лидеров движения если не как революционный авангард, то, по крайней мере, как возможных союзников, но не как злейшего врага. На противоположный полюс этого разнородного движения он ставит Карлоса Давилу, «правый элемент, связанный с США», «усиливающий свои позиции» внутри правительства. Это свиде-

---

²³ Carta de un enviado del BSA desde Chile, 8 de junio de 1932, - РЦХИДНИ. Ф.534.оп.4.д.32.

тельство очевидца будет подтверждено последующим развитием событий.

Несмотря на констатацию внутренних разногласий в новом правительстве и его левом потенциале, возможно, антиимпериалистического или социалистического (по аналогии с апризмом), представитель Коминтерна оправдывал линию «независимой борьбы» КПЧ, включая ее лозунги «Долой фашистский переворот Грове». Это заключение автора кажется тем более удивительным, что Грове и его ближайшие соратники отнюдь не характеризуются им как «военные фашисты».

Позиция КПЧ по вопросу Социалистической республики объясняется не столько ее борьбой с чуждой политической силой, сколько ее беспокойством из-за появления неожиданного соперника. «Мы решили действовать быстро, чтобы увидеть, кто поведет за собой массы», - с гордостью заявил представитель Коминтерна. Он признавал, что правительство искало взаимопонимания с коммунистами, но последние отказывали ему: «Контрерасу постоянно звонили и просили ослабить оппозиционный тон».

Демонстрация в поддержку Социалистической республики

Эти поиски диалога и поддержки со стороны Грове КПЧ расценила как доказательство собственной силы и значения: «Если наша партия поддержит хунту, нет сомнений в ее консолидации». Однако целью КПЧ было не помочь консолидации правительства, а попытаться оспорить у него лидерство. Эта цель основывалась на мессианском убеждении в том, что она является единственной политической силой, способной возглавить истинную революцию, а также на тезисах Коминтерна, оценивавшего тот момент как воз-

можное начало революции в любой части мира, включая Чили.

Для осуществления этой идеи сразу же после провозглашения Социалистической республики КПЧ создала свой «Революционный комитет рабочих и крестьян» и пригласила в него различные политические и общественные организации. Идея состояла в создании «советов», не случайно автор доклада постоянно называет вышеупомянутый комитет «советом». Более того, этот комитет рассматривался как «зародыш двоевластия», то есть пытались копировать политические формы и содержание Русской революции по ленинской же её интерпретации.

Посланник Коминтерна понимает, для КПЧ сложилась исключительно благоприятная конъюнктура: «Университет находится в руках партии: у нас там прекрасная типография, где мы печатаем листовки и газеты... Сейчас в наших руках самая мощная радиостанция страны. Оттуда мы произносим речи, воззвания и приветствия трудящимся всего мира от имени Совета. Вы ее слушали?»²⁴ Однако после этой эйфории почувствовалась неуверенность. Совет стал сценой внутренних разборок с другими левыми фракциями: анархистами и «идальгистами». Организация Коммунистической молодежи (о существовании которой упоминалось, хотя официальной датой ее создания считается сентябрь того же года) создала Красную гвардию, которая была орудием противостояния с силами политической конкуренции (это отражало тогдашнюю милитаризацию чилийской политики). КПЧ занимала скорее выжидательную позицию. Она не могла продвинуться дальше достигнутого, оставалась только инволюция, несмотря на оптимистические заявления о «двоевластии». Автор доклада спрашивал: «Сколько еще просуществует Совет? Неизвестно, пока они не осмеливаются нас тронуть». Последние слова письма также полны неопределенности. После столь оптимистического описания своих достижений, автор задает вопрос: «Как конкретно мы можем охарактеризовать хунту? Пришлите нам точную информацию о том, какую позицию занять. Поскорее».

Вышеупомянутое письмо КСЛА было получено в Чили только 11 июня. Представитель Коминтерна, подписывавшийся «Карлосом» остался доволен совпадением точки зрения КПЧ и региональной организации Коминтерна. Различия в оттенках, которые были заметны в двух предыдущих документах, исчезли. Письмо

---

²⁴ Carta de un enviado del BSA desde Chile, 8 de junio de 1932, - РЦХИДНИ, Ф.534.оп.4.д.32

ЮАБ было полностью принято. Лишь между делом автором упомянуты «некоторые колебания ЦК и нас самих», но тут же идет оговорка, что «эти разногласия не важны, а касаются лишь степени интенсивности атаки на правительство», а дальше автор обещает преодолеть их²⁵.

Письмо позволяет также заметить колебания правительства Грове в отношении коммунистов. С одной стороны, автор письма упоминает публичные обещания Грове противостоять «левым экстремистам, коммунистам», но с другой, повторяет, что «правительственная хунта... постоянно посылает к нам делегации для решения спорных вопросов, хочет, чтобы мы сотрудничали с ними, ориентировали их и занимали определенные посты». Упоминание просьбы об «ориентации» отражает особенности коммунистических представлений о политическом сотрудничестве, в то время как предложение постов в правительстве отражает тогдашнюю практику политических союзов в Чили.

Документ свидетельствует об ослаблении позиций КПЧ. Поддержка, которую получило правительство от левых организаций, означала (хотя и косвенно) ослабление чилийских коммунистов. Не только правительство требовало от них вернуть центральное здание Университета Чили, где работал их Совет, но, судя по письму, этого требовали сами студенты, что говорит об отчуждении студенческого движения от КПЧ.

Привлекает внимание тот факт, что ни в одном из документов Коминтерна не упоминается группа «Авансе», ставшая одной из ведущих социальных сил в те дни, судя по многим воспоминаниям. Это была группа левых студентов, и вначале КПЧ, как свидетельствуют многие источники, имела в ней прочные позиции. Возможно, представитель КСЛА решил не упоминать об этом, зная, что участие коммунистов в подобных организациях не поощрялось ЮАБ?

Элиас Лаферте в своих воспоминаниях, опубликованных в 50-е годы, когда Коммунистическая и Социалистическая партии Чили стали политическими союзниками, предпочел не вспоминать о том, что КПЧ в свое время охарактеризовала правительство Грове как национал-фашистское. Он так же не вспоминал о своем политическом решении отказать ему во всякой поддержке. Массовые мобилизации, организованные КПЧ, представлены в его воспоми-

---

²⁵ Carta de “Carlos” delegado del BSA ante el PC chileno, desde Chile, 11 de junio de 1932, - РЦХИДНИ, Ф.534.оп.4.д.32

нениях как направленные против «реакции», а не правительства. Лафферте рассказал о встрече «Революционного комитета рабочих и крестьян» с М. Грове, где присутствовавшие обращались друг к другу «товарищ», и Карлос Контрерас Лабарка от имени Комитета высказал свои требования, включавшие раздачу оружия рабочим и формирование среди них вооруженных отрядов, включение профсоюзов в национальный исполнительный антикризисный орган и проведение аграрной реформы. Лафферте вспоминал, что Грове выразил свой скептицизм по поводу реальности осуществления этих предложений, однако не имел принципиальных политических возражений. Более того, по воспоминаниям Лафферте, позиция «Революционного комитета» не соответствовала той, что описана в корреспонденции Коминтерна: поддерживать правительство, но требовать от него принятия определенных мер²⁶.

В любом случае, доклады эмиссаров Коминтерна в Чили в дни Социалистической республики отражают противоречивое восприятие КПЧ этого движения. Несмотря на негативные характеристики, такие как «военно-фашистский переворот», очевиден постоянный тесный контакт между правительством и руководством КПЧ, а также определенные надежды чилийских коммунистов на правительство Грове. Та же идея «двоевластия», в устах представителя КСЛА предполагает восприятие Грове как местного Керенского.

Возможно, воспоминания Лафферте отражают не только обновленную и политкорректную интерпретацию чилийскими коммунистами 50-х годов своей тогдашней линии поведения, но и истинные ощущения чилийских коммунистов в 30-е годы по отношению к событиям июня 1932 г. Эти ощущения основывались на здравом смысле и чилийской политической культуре, но выходили за рамки марксистской доктрины.

Сразу после падения Социалистической республики среди региональных организаций Коминтерна началась дискуссия об ее «уроках». Это положило начало созданию исторического мифа в коммунистической политической традиции и историографии, где оценка событий июня 1932 г. и позиции КПЧ в них не однажды менялась.

В своей первой оценке, данной Социалистической республике после ее падения, ЮАБ выступило против чилийских коммунистов и своих собственных инструкторов, находившихся в Чили. Они были обвинены в культивировании ложных иллюзий и в непони-

---

²⁶ Лафферте Э. Указ. соч., С. 220.

мании «классового содержания» событий, именованных ЮАБ «переворотом Давила-Грове».

Удивляет полная уверенность в своей позиции руководителей ЮАБ, не присутствовавших в Чили в те дни, но считавших себя вправе дать более справедливую оценку событий из-за лучшего владения марксистской доктриной. Они изначально исключали возможность того, что участвовавшие в событиях и имевшие свои критерии чилийские коммунистические лидеры и инструкторы Коминтерна могли лучше оценить реальные масштабы происшедшего.

При обсуждении уроков Социалистической республики, «товарищ Диас», рассматривал события июня 1932 г. в контексте так называемых «межимпериалистических противоречий» и проникновения «американского империализма» в регион. За действиями Грове ЮАБ увидело руку США, озабоченных сохранением контроля за чилийской селитряной промышленностью и подозревавших некоторые «мелкобуржуазные» слои в поисках новых рынков для чилийской селитры. Все это происходило в контексте увеличения спроса на селитру в мировом масштабе. Независимо от того, сколь верной была оценка возможности возрождения чилийской селитряной промышленности и увеличения спроса на сырье в период Великой депрессии, в анализе ЮАБ все политические силы периферийных стран представлены лишь марионетками, либо инструментами политики «империализма», что, по сути дела, отрицает возможность внутренних причин национальных социальных конфликтов. Эта оценка Коминтерна связана с его представлением о своей руководящей роли по отношению к национальным партиям. Результатом этого анализа стало определение событий 4 июня 1932 г. в Чили как «государственного переворота» «контрреволюционного характера», «целью которого была попытка спасти КО-САЧ, чтобы подчинить страну господству самого сильного империализма, империализма янки».

Широкие социальные движения, сопровождавшие Социалистическую республику, не вписывались в характеристику государственного переворота, поэтому ЮАБ пыталась представить эти явления как два различных процесса: «Широкие массовые движения, которые продолжались после восстания на флоте, не имели ничего общего с военным переворотом Грове-Давилы. Это побудило заговорщиков выдвинуть демагогические лозунги, чтобы привлечь массы к «строительству социалистической республики».

Для ораторов ЮАБ, «товарища Диаса» и «товарища Лусии»,

самый большой грех как руководства КПЧ, так и в особенности инструкторов «К.» и «М.», заключался в том, что они не учли оценки и инструкции, полученные от ЮАБ. Уничажительные обвинения в их адрес заставляют предположить, что основным здесь являлся внутренний личностный конфликт либо противоречия различных структур²⁷ внутри аппарата ЮАБ, а вовсе не необходимость понимания конкретной ситуации. «К.» и «М.» обвинили не столько в ошибочной оценке ситуации, сколько в отходе от партийной дисциплины, неповиновении инструкциям ЮАБ, с которыми они были изначально не согласны. Это было очень серьезное обвинение в рамках коммунистической культуры и организации.

«Лусия» говорил по этому поводу: «В начале своего выступления я хочу сказать несколько слов о поведении представителей КСЛА в Чили, чтобы больше не возвращаться к этому вопросу. Я считаю, что для каждого представителя обязательны решения, принятые вышестоящими органами. Несколько месяцев назад ЮАБ приняло резолюцию о положении в Чили, где особое внимание уделялось вопросу о Советах. Представители КСЛА сочли, что эти решения не являются обязательными для них, они делают, что хотят, прошлый раз они не были согласны с этой линией, и на этот раз проводили свою. Я думаю, что здесь на Пленуме мы должны поговорить об этом. Этот прецедент сослужит плохую службу делу воспитания наших партий. Кажется, что для этих товарищей не существует принцип демократического централизма. Также письмо, присланное сразу после переворота, не было принято во внимание, эти товарищи не последовали ему». Что касается КПЧ, то ее обвинили, хотя и со снисхождением, в том, что она «еще не допняла» линии ЮАБ и Коминтерна, не имеет настоящей базы среди рабочих, недостаточно борется против всех уклонов. Та же критика была сформулирована промежуточными инстанциями Коминтерна по отношению к партиям.

Пытаясь восстановить контроль над КПЧ, якобы находившейся под влиянием сомнительных элементов, тот же «товарищ Диас» отправил своих «инструкторов» в Чили «от имени ЮАБ и молодежи», параллельно с представительством КСЛА, которое тоже находилось в Чили, но могло непосредственно обращаться в Москву, поэтому контроль «товарища Диаса» над ним был ограничен. Этим посланникам «ЮАБ и молодежи» была поставлена задача органи-

---

²⁷ Критиковались представители КСЛА, являвшейся частью Профинтерна; эта структура имела некоторую автономию внутри аппарата Коминтерна

зовать национальную конференцию КПЧ с целью «поправить руководство КПЧ», охваченное «бесконечными иллюзиями». Оставив свое предложение о смене руководства КПЧ, «Диас» стал настаивать на оказании давления на ее руководителей, в частности, Маркоса Чамудеса и Карлоса Контрераса Лабарки.

Ситуация в чилийской компартии отражала внутреннее соперничество в латиноамериканском коминтерновском аппарате. Так, посланникам «ЮАБ и молодежи» среди прочего было поручено «информировать» о деятельности представителя другой структуры Коминтерна: «Мы крайне заинтересованы узнать, как продвигаются дела М., которым мы придаем огромное значение в нынешней ситуации». Это было не столько соперничество между «Диасом» и «М.» (представитель Профинтерна Морис - Хаскин), сколько между руководством ЮАБ и главы латиноамериканского Лендер-секретариата в Москве Синани. Чилийская тема, поведение КПЧ в дни Социалистической республики и особенно опыт созданных КПЧ «советов» стали центральным вопросом в обмене письмами между ЮАБ и Лендер-секретариатом в последние месяцы 1932 г.

Основная дискуссия велась вокруг оценки фигуры Мармадуке Грове. Руководитель Лендер-секретариата в Москве Георгий Синани характеризовал его как «представителя революционной мелкой буржуазии...борющейся против империализма». Представитель ЮАБ, подписывавшийся как «Л.», в своем ответе, написанном по-русски, выступил против этой точки зрения. Хотя он уже не называл Грове военным фашистом, как в предыдущих документах, он подчеркнул его связь с Ибаньесом (должность посла в Лондоне в период его правительства, участие в переворотах 20-х годов и пр.). Фактически он прогнозировал поражение Алессандри (к тому моменту уже избранного президентом) и победу «блока гровистов и ибаньистов, так же, как Монтеро потерпел поражение от блока ибаньистов и Давилы-Грове».

Чтобы придать вес своей позиции, руководитель ЮАБ намекнул на свою близость к месту событий в отличие от находившегося в Москве Синани: «принимая во внимание трудности товарища Синани в написании статьи из-за нехватки материала» и обвинил того в «излишнем доверии к информации из американской прессы». Однако он опустил факт своего отсутствия в Чили в те дни и то, что позиция руководителей чилийских коммунистов и инструкторов Коминтерна, находившихся в Чили, были ближе к оценке Синани.

Даже после падения республики и репрессий против Грове, по-

сле создания им Социалистической партии, в своей финальной оценке руководитель ЮАБ попытался максимально остаться на своей первоначальной позиции отрицания любого взаимопонимания с лидером Социалистической республики: «мы считаем, что в политическом плане Грове представляет собой самое демагогическое крыло Либерального альянса... связанное с английским империализмом, и что его программа «государственного социализма» и корпоративизма сейчас сближаются с ибаньизмом (таким же образом и с той же программой Санчес Серро осуществил государственный переворот в Перу)».

Документ указывает на неоспоримый факт, что во время мирового экономического кризиса различные латиноамериканские политические силы, правые и левые, искали решения экономических проблем своих стран путем увеличения роли государства в экономике, включая планирование, использование корпоративистских методов, отождествляя все это с концепцией социализма. Стоит напомнить, что образ СССР, единственной крупной страны, не затронутой мировым кризисом, якобы благодаря «социалистическому» характеру и планированию экономики (а на самом деле благодаря экономической автаркии), способствовал созданию мифа о том, что «планирование=социализм», и это экономическая панацея.

Коминтерн еще не знал, как отреагировать на это увеличение сторонников социализма в разных странах континента, часто имевших широкую народную поддержку. Автор письма ЮАБ относился к ним отрицательно. Синани, похоже, инстинктивно чувствовал необходимость большей гибкости. Предыдущий опыт Коминтерна по привлечению «антиимпериалистических» левых некоммунистических лидеров был различен – от провала и окончательного разрыва с основателем АПРА Виктором Раулем Айя де ла Торре в Перу до обращения в коммунисты легендарного каудильо «Непобедимой колонны», исторического лидера тенентизма²⁸ Луиса Карлоса Престеса в Бразилии. Автор доклада ЮАБ больше озабочен «нашей борьбой за правильную линию чилийской партии» и считал, что мнение Синани «вредит ей», ибо отличается от позиции самого ЮАБ и сходится с оценками чилийских коммунистов.

Согласно тому же документу, позиция ЮАБ по отношению к

---

²⁸ Тенентизм, от португальского *tenente* – лейтенант, лево-националистическое движение в Бразилии в 20-е годы. См. подробно - История Латинской Америки, т.3. (ред.)

Грове не была доведена до коммунистов страны, которые действовали в соответствии с собственными критериями, как мы увидели в воспоминаниях участников событий. В вышеупомянутом письме говорится: «В Коммунистической партии Чили весьма распространены гровистские иллюзии под различной оболочкой. В дискуссии о кандидате в президенты большая часть членов партии (в первую очередь на севере) предложили снять кандидатуру Лафферте и поддержать Грове (некоторые товарищи в Чили видят в личности Грове своего рода чилийского Престеса). Фактически товарищ Синани, сам того не желая, поддерживает эту точку зрения в своей статье».

Эти собственные критерии руководства КПЧ 1932 года, сформировавшаяся в результате чисток и «большевизации» под прямым контролем инструкторов ЮАБ, нельзя расценивать как попытку противостоять региональной коминтерновской структуре, либо оспорить линию Коминтерна. Сами чилийские коммунистические руководители были глубоко убеждены в том, что они верно следуют этой линии, и если бы они в тот момент узнали, в каких терминах говорили о них лидеры ЮАБ в своих внутренних секретных документах, они почувствовали бы себя разочарованными.

Собственные критерии чилийских коммунистов, так раздражавшие руководителей ЮАБ, стали результатом прочтения КПЧ линии Коминтерна сквозь призму чилийской политической культуры и своего социального и политического багажа. Чувствуется, что они еще пребывали в системе координат, отличной от принятой в структурах Коминтерна, и по-своему прочитывали одни и те же слова. По этой причине чилийские коммунисты формально соглашались с критикой ЮАБ, но продолжали действовать по-своему.

В Чили в то время была наиболее напряженная социальная и политическая ситуация в регионе, слова «социализм», «восстание» и даже «советы» постоянно звучали в материалах международной прессы о Чили, поэтому невозможность управлять КПЧ в соответствии со своими критериями вызвала крайне негативную реакцию в руководстве ЮАБ. В своем письме в московский Лендерсекретариат вышеупомянутый руководитель ЮАБ говорил об этом так: «Мы считаем, что в чилийской компартии сложилась очень серьезная ситуация. У ее руководства пока нет воли исправлять свои ошибки. Оно противопоставляет нашей критике любые формальные аргументы, но не прилагает усилий к изменению ситуации. Поэтому мы крайне заинтересованы в полном освещении ос-

новых вопросов анализа соотношения классовых сил, тактики КПЧ и ее задач. Мы считаем, что позиция КПЧ по отношению к Идальго неправильна, борьба с ним ведется крайне слабо, а в отношении Грове партия занимает соглашательскую позицию. Кроме этих недостатков руководство КПЧ противится подготовке пролетарских кадров. Оно не только не выделяет рабочих, но и оставляет их на второстепенных позициях...».

Обвинение в отсутствии «рабочих кадров» было обычным для Коминтерна, в партиях которого всегда преобладали представители образованных и полуобразованных средних слоев, отождествлявшие себя с «делом рабочего класса», но не сами рабочие, и постоянное упоминание этой темы в Чили показывало, что у ЮАБ были свои ставленники, коих оно надеялось продвинуть, для чего и организовало национальную конференцию КПЧ в 1933 г.

Другой ключевой пункт критики КПЧ связан как с инициативой создания советов, так и с приглашением к сотрудничеству в советах всех левых сил: «Мы считаем ошибочным приглашение социалистических партий и идальгистов в совет». Продолжение политической практики альянсов и сотрудничества, несмотря на все попытки ЮАБ помешать в этом чилийским коммунистам, показывает, что уже в это период крайнего сектантства внутри коммунистического движения на КПЧ больше влияли традиции национальной политической культуры, она склонялась к союзам и переговорам.

Вмешательство в дела КПЧ. «Критика рекабарренизма»

События в Чили в 1931-1932 гг. Коминтерн рассматривал как высший подъем революционного движения в регионе в эти годы, но различные оценки этих событий вызвали «дискуссию о Чили», крайне важную для латиноамериканских структур Коминтерна. В то же время КПЧ, несмотря на продекларированную верность Интернационалу, не выполнила инструкций ЮАБ, после чего бюро в начале 1933 г. прямо вмешалось в деятельность руководства КПЧ. Так, в первом заседании ее Политбюро 6 января 1933 г. участвовали 5 представителей Южноамериканского бюро из 17 присутствовавших²⁹.

Критика была крайне резкой: «Организационная комиссия ЦК

---

²⁹ Protocolo de la reunión del Buró Político del PCCH, 6 de enero de 1933 - РЦХИДНИ, Ф.495.оп.106.д.34.

не работает, а создана 2 года назад... Нет понимания проблемы...». Посланники Коминтерна настаивали на вертикальном руководстве в КПЧ: «Отдельные ячейки ликвидируют партию,... ячейки не должны обсуждать политические вопросы, они должны лишь ограничиться выполнением решений... Региональные комитеты должны отказаться от намерений иметь Политбюро» («Эстебан»). Другие пошли еще дальше в своей критике: «Портрет партии, который нам здесь нарисовали – буржуазно-либеральный, социал-демократический. У нее огромный бюрократический аппарат. Нет связи с массами» («Орасио»). «Партия не движется вперед, так как организационно не является коммунистической партией» («Лоренсо»). Эта критика свидетельствует о длительной серьезной дискуссии внутри чилийской компартии, что было необычной ситуацией для Коммунистического Интернационала тех лет.

Не выступая открыто против делегатов ЮАБ, Элиас Лафферте защитил стиль работы КПЧ: «Практика показывает нам, как работать ячейке. Все органы должны участвовать в политике». Пытаясь примирить свою позицию, основанную на «практике», с вертикальным подчинением, требуемым ЮАБ, он добавил: «Не надо также забывать, что каждый орган должен выполнять и проверять решения, но прежде всего выполнять».

После вмешательства в работу Политбюро КПЧ ЮАБ от своего имени подготовило Национальную конференцию компартии. Основную причину живучести «уклонов» среди чилийских коммунистов оно увидело в сохранении внутри партии так называемого «наследства рекабарренизма»³⁰. Уже на вышеупомянутом заседании Политбюро представители ЮАБ указали на несовместимость широкого и скорее эмоционального подхода Рекабаррена «член партии стремится к революции» с концепцией организации и деятельности коммунистов.

Начиная с этого момента «критика рекабарренизма» стала неотъемлемой частью позиции Коминтерна по отношению к Чили, а также частью дискурса чилийской компартии. Национальная конференция КПЧ, состоявшаяся в июне 1933 г., многие документы которой сохранились не в архивах Коминтерна, а в Чили, подтвердила как критику ЮАБ форм работы компартии, так и «критику рекабарренизма». Было также избрано новое руководство КПЧ с включением «рабочих кадров», выдвинутых ЮАБ.

---

³⁰ Луис Эмилио Рекабаррен (1876 – 1924) – основатель Коммунистической партии Чили. (ред.)

В Коминтерне стал господствовать взгляд на КПЧ как сильную рабочую партию на региональном уровне, но еще недостаточно верную и подчиненную Интернационалу. Один из высших европейских руководителей Коминтерна по возвращении в Москву из Южной Америки так охарактеризовал чилийскую компартию на выступлении в Латиноамериканском Лендер-секретариате: «Партия имеет большое влияние в массах. Это одна из позитивных черт чилийской организации, и мы не должны ее недооценивать. Партия несмотря ни на что активна, она совершает много ошибок, но вне сомнения это партия, проводящая активную революционную политику. Партия пока еще ни в коем случае не является марксистско-ленинской. Партия находится под идеологическим влиянием Рекабаррена, бывшего ее основателем... Это аргентинский социалист, основатель аргентинской партии, и очень влиятельная фигура в Южной Америке. Он меньший марксист, чем Мариакко³¹».

Сотрудники латиноамериканского Лендер-секретариата в Москве не знали имени Рекабаррена. Это свидетельствует о том, что в советской России не было замечено его пребывание в ней, столь впечатлившее чилийского революционера. Даже сотрудник Коминтерна, побывавший в Южной Америке, имел о нем смутное представление, в соответствии со стереотипом латиноамериканского коммуниста, господствовавшем в Интернационале, считал его аргентинцем и воспроизвел критику его идей и деятельности, услышанную в Южноамериканском бюро в Монтевидео: «В целом его социальная платформа – демократическая, реформистская... это рудименты, которые являются частью жизни наших организаций. ...Это уклон, ведущий к гровизму, он основан на остатках этой идеологии. Основной идеей группы является сотрудничество с господствующими классами. Эта идея сотрудничества жива до сих пор. Это сотрудничество с Грове, даже с Алессандри, это сотрудничество пронизывает всю деятельность. Это очень характерно для партии. Было время, когда Лафферте стоял в том же списке, что и Алессандри. Это очень характерно для жизни страны». Помимо этой негативной оценки, сотрудник ЮАБ точно подметил тесную связь политической восприимчивости и мировоззрения чилийских коммунистов с идеями и деятельностью Рекабаррена, а также с политической культурой страны.

Этот доклад стал основой для характеристики Чили в других внутренних официальных документах Коминтерна. В нем отмечен

---

³¹ Ошибка стенографиста, речь идет о Х. К. Мариатеги (1894-1930)

революционный подъем двух предшествующих лет, но также указано, что «КПЧ оказалась недостаточно подготовлена к революционными событиями 1931-1932 гг. В партии циркулировали, не встречая особого сопротивления, различные оппортунистические «теории», являвшиеся рудиментами «рекаберренизма» - смесью анархо-синдикалистских и социал-реформистских идей, привнесенных в партию ее основателем Рекабарреном»³².

По мере того, как социальные и политические выступления 1931-1932 гг. оставались в прошлом, а Латинская Америка начала медленно, но уверенно выходить из Великой депрессии, во всем регионе ослабла интенсивность антисистемных движений различной идеологической окраски, у Южноамериканского бюро появилось время для организации долгих и подробных дискуссий о положении в каждой стране. Анализ событий прошедших лет проводился в духе официальной доктрины Коминтерна, чтобы извлечь «уроки» для будущего. Чили уже не была страной, переживавшей самые бурные события. Сейчас такой страной стала Куба, единственная в Латинской Америке, где в 1933 г. возникло широкое социально-политическое движение, приведшее к свержению диктатуры Мачадо. Однако Интернационал не желал принять факт отката назад и спада, продолжая предрекать большие сражения в будущем. В такой атмосфере в марте 1934 г. в ЮАБ состоялась новая дискуссия о положении в Чили.

В период относительного политического спокойствия разногласия между компартиями и другими левыми силами снова стали главным (если не единственным) предметом озабоченности ЮАБ. В выступлениях руководителей ЮАБ о Чили центральное место занимал «идальгизм» как воплощение демона диссидентства, дополненный сейчас «гровизмом» - призраком успешного соперничества разнородного движения левых популистов. Здесь снова вышла на первый план тема заветов «рекаберренизма». Паулино Гонсалес Альберди, аргентинский коммунист, долго проживший в Чили в качестве представителя ЮАБ, поставил вопрос о связи между «идальгизмом» и наследством Рекабаррена: «Пока наша партия не подвергнет суровой критике рекабарренистские концепции, она не сможет

---

³² Характеристика Чили в документах Латиноамериканского Лендерсекретариата (1933) см. - РЦХИДНИ, Ф.495.оп.79.д.195.

отряхнуться от идальгистского влияния»³³.

С точки зрения сталинистского Коминтерна Гонсалес Альберди был полностью прав. Как Рекабаррен в годы зарождения чилийского коммунистического движения, так и изгнанный диссидент Идальго, продолжавший настаивать на том, что он коммунист, и писать в Москву, минуя главу ЮАБ, были примером собственного прочтения чилийским рабочим движением русской революции и грядущей мировой. Именно свое прочтение стало причиной их принятия русской революции и, как следствие, присоединения к Интернационалу. Однако за спиной у них был опыт организации рабочего движения в стране, привычка самостоятельно принимать решения в конкретной чилийской ситуации.

Большинство коммунистических партий были созданы людьми подобного склада, старыми социалистическими руководителями, сознательно принявшими сторону русской революции. Однако их вес в социальных движениях своих стран, и то, что они возникли раньше Интернационала и русской революции, делали их слишком независимыми и непредсказуемыми в глазах сталинской системы, продолжением которой являлся Коминтерн в 30-е годы (хотя он сохранял элементы изначального революционного романтизма, а также антифашистский пафос эпохи). Фактически старые руководители, когда-то изменившие свои взгляды, чтобы примкнуть к коммунизму, могли снова поменять их.

Сталинскому Коминтерну были не нужны лидеры, пользующиеся популярностью, способные принимать независимые решения. Ему было нужно безусловное подчинение. Неслучайно в течение 20-х годов основатели почти всех западных компартий были изгнаны из организаций, которые они же создали (либо покинули их под сильным давлением). Одновременно основатели коммунистических партий, ушедшие из жизни раньше, были превращены в святых мучеников новой универсальной религии, предварительно очищенной от инакомыслия. В своем выступлении в дискуссии о Чили в ЮАБ другой его член, австриец Фриц Глауфбауф, сравнил задачу «преодоления рекабарренизма» в КПЧ с «преодолением влияния Люксембург»³⁴ в компартиях Германии и Польши.

---

³³ Discusión de la situación chilena en el Buró Sudamericano del Komintern. Intervención de Paulino González Alberdi, marzo de 1934 - РЦХИДНИ, Ф.495.оп.106.д.38.

³⁴ Discusión de la situación chilena en el Buró Sudamericano del Komintern. Intervención de Fritz Glauflauf, marzo de 1934 - РЦХИДНИ, Ф.495.оп.106.д.38.

Несомненно, выполнение этого нового указания высших инстанций Коминтерна было особенно трудным для КПЧ, это можно было сделать только при неограниченном доверии к новой универсальной религии, частью которой чувствовали себя коммунисты в разных частях мира, включая Чили. Однако будучи верными старой креольской мудрости «повинуйся и не выполняй», чилийцы попытались отдалить покаяние, возможно, надеясь на отмену указаний (Коминтерн неоднократно посылал противоречивые сигналы).

«Секретарю партии понадобилось 8 месяцев, чтобы проинформировать нас о своем окончательном разрыве с Рекабарреном. Вначале он ограничивался весьма либеральными фразами о том, что Рекабаррен не совсем современен», - рассказал Латиноамериканскому Лендер-секретариату бывший член ЮАБ «Муравский» по возвращению в Москву³⁵. О трудностях и колебаниях чилийских коммунистов в принятии этой линии Коминтерна говорил также Фриц Глауфбауф: «Я вспоминаю, как в прошлом году, на праздновании годовщины Рекабаррена, сопротивлялись критике его ошибочных позиций. Брошюра, в которой восхвалялся Рекабаррен, исчезла и никогда не была опубликована. Но в органе, контролируемом партией («Вангвардия») появилась статья о Рекабаррене вне всякой критики»³⁶.

Однако когда это сопротивление было преодолено (под давлением ЮАБ), чилийская компартия впала в другую крайность, и теперь сами эмиссары Коминтерна были озабочены тем, как сохранить образ Рекабаррена на предназначенном ему месте: мученик, святой проповедник, хотя и ошибавшийся. Линия водораздела была слишком тонка, и даже «теоретику» Глауфбауфу, гораздо лучше подготовленному доктринально по сравнению с другими членами ЮАБ, было сложно это объяснить: «...Они впали в другую крайность. Они критикуют позицию Рекабаррена, словно он сегодняшней коммунист, забывая об исторических обстоятельствах, в которых он действовал, и о его заслугах. – (Недостаточно говорить о восхищении, любви и пр. – это только слова – чтобы потом заявить, что он был всего лишь либерал и защитник родины). Забывают его позицию по отношению к русской революции и социал-

---

³⁵ Заседание Латиноамериканского лендер-секретариата 10 марта 1934 г. Доклад тов. Муравского, РЦХИДНИ, 495.79.193.

³⁶ Discusión de la situación chilena en el Buró Sudamericano del Komintern. Intervención de Fritz Glauflauf, marzo de 1934 - РЦХИДНИ, Ф.495.оп.106.д.38.

патриотизму (ставшую очевидной во время его работы в Интернациональной Социалистической партии в Аргентине). Из-за того слишком упрощается задача преодоления рекабарренизма, и он так и не будет изжит»³⁷.

Любопытно, что среди «концепций Рекабаррена», которые чилийская компартия должна была искоренить из своей идеологии и политической культуры, хотя они в действительно тогда таковыми не были, мы видим те элементы, на которые опирался успех политики Народного фронта в Чили в конце 30-х годов, затем важное место КПЧ в политической системе страны до 1973 г., чилийский путь к социализму, провозглашенный в 1956 г. и ставший реальностью в 1970-73 гг., обновление значительного крыла так называемой «коммунистической культуры» в 80-х и 90-х годах. Мы сохраняем порядок, в котором перечисляет их Глауфбауф в своем докладе: «возможность завоевания власти путем выборов и, как крайний метод, всеобщая забастовка; сотрудничество с авангардом буржуазии против реакции; концепция прогрессивной роли иностранного капитала в стране; идея партии как своего рода политической секции ФОЧ и т.д.»³⁸.

Чили во внутренних аппаратных дебатах Коминтерна

Начиная с 1932 г. «чилийский вопрос», то есть события в Чили и роль КПЧ в них, вызывали бурные дискуссии внутри аппарата Коминтерна, отвечавшего за работу с Латинской Америкой. В этой коминтерновской дискуссии столкнулись различные оценки политической реальности, хотя и в рамках общей доктрины, но с элементами борьбы за власть внутри Интернационала, в ней видны яркие личностные характеристики участников, что имело роковые последствия для большинства русских и центрально-европейских участников во время сталинских чисток центрального аппарата Коминтерна в Москве.

Ключевым моментом для понимания коминтерновских дебатов является это двойное измерение, тем более, что большинство работ, посвященных Коминтерну в «коротком XX веке», не учитывают эту двойную реальность, сами отдают должное биполярности политического и исторического мировоззрения эпохи. Так, коммунистическая

---

³⁷ Discusión de la situación chilena en el Buró Sudamericano del Komintern. Intervención de Fritz Glauftauf, marzo de 1934, РЦХИДНИ, 495.106.38.

³⁸ Discusión de la situación chilena en el Buró Sudamericano del Komintern. Intervención de Fritz Glauftauf, marzo de 1934, РЦХИДНИ, 495.106.38.

и политически близкая к ней историография видели в этих «дискуссиях» чистое выражение идеологических дебатов, в то время как исследователи, стоявшие на противоположных позициях, имевшие в распоряжении рассекреченные внутренние документы Коминтерна, считали их выражением «зловещей людоедской» борьбы за власть вне рамок убеждений и этических принципов.

Две вышеупомянутые точки зрения страдают односторонностью. Идеологические дебаты велись людьми, носителями мотиваций, личных симпатий и антипатий. Так называемые «альтернативные» политические организации воссоздали внутри себя те же вертикальные схемы власти, и поиск «альтернативной» власти стал одним из ключевых мотивов действий их лидеров. В свете рассекреченных документов, из которых понятны действия советского аппарата, включая Коминтерновский, это стало очевидным.

Однако не стоит забывать о менталитете рядовых коммунистов и их руководителей. Это были люди, глубоко верившие в универсальный революционный проект, видевшие реальность только через призму доктрины. Готовность к жертвенности и мученичеству за веру могла сосуществовать в них с использованием мало этических методов в борьбе за власть. Для самооправдания достаточно было признать другого еретиком, по отношению к которому все было дозволено. Отсюда искренность и настоящая страсть оппонентов в идеологических дебатах Коминтерна.

По поводу Чили схлестнулись две позиции – Южноамериканского бюро (ЮАБ), относительно автономной инстанции Коминтерна, работавшей в Буэнос-Айресе до 1930 г., а после военного переворота в Аргентине перебравшейся в Монтевидео, и Лендер-секретариата в Москве. Надо признать, что региональные инстанции *en situ*, такие как ЮАБ, были исключением в структурах Коминтерна. В первые годы существования Интернационала делись попытки создать региональные организации в различных частях мира, но с этой практикой быстро покончили, поскольку они неизбежно вступали в конфликт с центральными органами Коминтерна в Москве, по-иному оценивая реальность своих стран. В целях централизации руководства Интернационала и во избежание возникновения параллельной власти к середине 20-х годов было покончено с региональными бюро, за исключением латиноамериканских – вышеупомянутого ЮАБ и Карибского бюро. Исключение, сделанное для Латинской Америки, оправдывалось географической отдаленностью и нехваткой коммуникаций, в то же время оно объясняется малым интересом Коминтерна к региону. Кроме того, местные коммунистические лидеры не казались

способными попытаться создать параллельную власть внутри Интернационала.

С конца 20-х годов Латинская Америка стала играть более важную роль в политике Коминтерна, в то время как ЮАБ превратилось в место «почетной ссылки» для русских и европейских коминтерновских руководителей, которых хотели отдалить от европейской арены деятельности, не подвергая чисткам и прочим карам. Швейцарец Жюль Эмбер-Дро, немец Артур Эверт, русский Абрам Гуральский внесли в ЮАБ не только свой международный опыт революционной деятельности, но и отсутствовавший раньше момент «внутренней кухни» центрального аппарата Коминтерна, кодекс которого был непонятен для большинства латиноамериканских коммунистов.

В начале 30-х годов во главе ЮАБ стоял Абрам Гуральский, опытный руководитель Интернационала, бывший эмиссар Коминтерна во Франции и Германии, один из организаторов подавленного восстания немецких коммунистов в 1923-1924 гг. Из-за своей близости к бывшему Председателю Интернационала Григорию Зиновьеву он считался входящим в «зиновьевскую оппозицию», и после своевременного раскаяния, хотя и остался в аппарате Коминтерна, был отправлен на второстепенный и далекий «фронт работ» в Южную Америку. Обладая большим опытом заговорщической деятельности, этот настоящий солдат мировой революции, глубоко убежденный в важности своей миссии, он смог сделать более эффективной работу ЮАБ, надеясь, что успех его деятельности в Южной Америке позволит ему восстановить утраченные позиции в аппарате Коминтерна.

Латиноамериканский Лендер-секретариат в Москве в те годы возглавлял Г. Синани, который пришел в аппарат Коминтерна, имея огромный опыт офицера Красной Армии в Средней Азии во время гражданской войны, а также военно-политического советника в Китае в 20-х годах. Он никогда не был в Латинской Америке, и его назначение состоялось потому, что руководство Коминтерна нашло сходство между Латинской Америкой и Азией. Однако сознание ограниченности своих знаний о регионе дало ему повод быть более осторожным в принятии решений, а также внимательным к вкладу своих латиноамериканских коллег в Лендер-секретариате – он впервые организовал изучение Латинской Америки в СССР.

Между этими двумя лидерами возникло соперничество, прикрытое идеологической оболочкой, где Гуральский апеллировал к

своему опыту революционера, действующего на месте, в то время как Синани пытался поддержать иерархию Лендер-секретариата как части центрального аппарата Коминтерна над региональным представительством и действовал, исходя из того, что считал здравым смыслом, но на основе советской официальной марксистской доктрины той эпохи.

ЮАБ с конца 20-х годов настаивало на обвинении в троцкизме тогдашнего сенатора-коммуниста Мануэля Идальго из-за его участия в заговорах против Ибаньеса вместе со сторонниками Алесандри, а также из-за его попытки создать инструментальную легальную партию в годы диктатуры Ибаньеса с целью выживания чилийских коммунистов и сохранения их влияния среди рабочих. Обе инициативы предполагали «сотрудничество с буржуазией» и противоречили крайне сектантской линии «третьего периода» Интернационала, но главным грехом Идальго был его отказ подчиниться приказам ЮАБ (которым в тот момент фактически руководил аргентинец Викторิโอ Кодовилья). Троцкизм в это время был воплощением внутреннего врага в международном коммунистическом движении, и чилийский диссидент также заслужил этот эпитет³⁹.

В 1932-1933 гг., когда Латиноамериканский Лендер-секретариат (Л.-С.) начал сам отслеживать чилийскую ситуацию, он пришел к выводам, отличным от сделанных ЮАБ. Л.-С. счел, что позиции Идальго и его группы скорее близки к социал-демократии: «Вы иногда видите троцкистские постулаты идальгизма там, где в действительности нет троцкизма... В своей политической практике он неизбежно обнаруживает свое социал-демократическое, правое содержание»⁴⁰. Стоит отметить, что речь шла о годах наибольшего отдаления и взаимных обвинений между социал-демократией и коммунистами на международном уровне. Коминтерн тогда изобрел термин «социал-фашизм», означавший отсутствие существенных различий между ним и социал-демократией как двумя «формами буржуазного господства».

---

³⁹ Более подробно см.- La figura de Manuel Hidalgo a través de los archivos de la Internacional Comunista// J.Rojas y M.Loyola (ed.) Por un rojo amanecer, Santiago, CENDA, 2000 y “El Partido Comunista chileno durante la dictadura de Carlos Ibáñez (1927-1931): primera clandestinidad y “bolchevización” estaliniana, en Boletín de la Academia Chilena de Historia; N°111, Santiago 2002, pp.285-436

⁴⁰ Письмо Латиноамериканского Лендер-секретариата Южноамериканскому бюро Коминтерна, 13 января 1933 г., РЦХИДНИ, 495.79.188.

А.Гуральский (А.Я.Хейфец)

Начался обмен письмами и докладами. ЮАБ (уже под руководством Гуральского) обвинило Л.-С. (т.е. Синани) в нежелании бороться с троцкизмом, что было в тот момент крайне тяжким обвинением в Москве: «Вы пишете, что мы якобы против борьбы с троцкизмом. Ничего подобного нет и не могло быть в нашем письме. Эта интерпретация наших указаний доказывает, что вы не читали, либо не задумались над тем, что мы писали на этот счет в прошлый раз»⁴¹. Синани поправляет себя, говоря, что Идальго является «социал-фашистом», но берущим на вооружение некоторые троцкистские методы: «Мы уже говорили, что вы правы в том, что идальгизм действительно заимствует некоторые свои тезисы из арсенала троцкизма, но вы не правы, утверждая в своем письме к нам, посвященном вопросам идальгизма, и, что важнее, в письме Бюро КПЧ, в котором вы не разоблачили троцкистский характер

---

⁴¹ Там же.

правых и либерально-буржуазный характер идадьгизма»⁴².

Эта дискуссия, которая кажется полностью схоластической и личностной, тем не менее, имела теоретическое и политическое измерение. По мнению ЮАБ (Гуральский), главными конкурентами коммунистов в Латинской Америке являлись течения левее официального коммунизма: в первую очередь, троцкисты, так как в регионе, за исключением Аргентины, не было социальной базы для социал-демократии. По мнению Л.-С. (Синани), в самых развитых странах Южного Конуса, социал-демократия, а также близкие к ней «анархо-синдикализм, мелкобуржуазный радикализм или крестьянские движения под руководством помещиков и буржуазии» могли стать важными политическими силами⁴³. Эта позиция спустя два года, когда социал-демократия перестанет быть «социал-фашизмом» для коммунистов, позволит Интернационалу поставить вопрос о создании Народных фронтов в Латинской Америке.

Кроме того, в своих оценках возможных конкурентов коммунистов в Латинской Америке никто из вышеупомянутых руководителей Коминтерна «не попал в точку», хотя Синани, видевший более широкий круг ведущих политических сил, стоял ближе к пониманию сложной социальной действительности региона. Классический корпоративистский популизм в разных формах, от перуанского апризма до аргентинского перонизма и трабальзизма Варгаса в Бразилии, возглавил руководство организованным рабочим движением в большинстве стран Латинской Америки. Чили, где компартия восстановила руководство над основным профсоюзным центром и удерживала его до 1973 г., была исключением в этом списке.

Другим важным пунктом разногласий между Гуральским и Синани стала оценка Социалистической республики 1932 г., фигуры Мармадуке Грове, феномена его огромной популярности и поддерживавших его социальные и политические движения, вскоре образовавшие Социалистическую партию Чили. ЮАБ (Гуральский) охарактеризовал события 4 июня 1932 г., давшие начало Социалистической республике, как «национал-фашистский переворот». Синани издали считал, что речь шла о движении мелкой антиимпериалистической буржуазии, обладавшем революционным потенциалом.

---

⁴² Там же.

⁴³ Руководящее письмо Латиноамериканского лендер-секретариата, 17 января 1933 г. О левых маневрах наших противников. РЦХИДНИ, 495.79.189.

Самым острым пунктом разногласий в дискуссии стала тема «советов в Чили», иными словами, должна ли была КПЧ создавать «советы» в Чили в дни Социалистической республики. В рамках доктрины этот вопрос был тесно связан с предыдущим. Если правительство Грове было мелкобуржуазным антиимпериалистическим, можно было попытаться установить «двоевластие» по аналогии с Россией 1917 г. и для этого создавать «советы», чтобы продвигаться к «социалистическому этапу» революции. Если же правительство было «национал-фашистским», надо было бороться с ним другими методами.

Южноамериканское бюро сурово осудило создание советов КПЧ, в то время как Лендер-секретариат постскрипtum одобрил ее действия. Конфликт приобрел личностные оттенки и вышел за рамки организаций Коминтерна, т.к. представители Профинтерна, находившиеся в Сантьяго, поддержали в те дни КПЧ и были обвинены ЮАБ в неповиновении партийной дисциплине. Учитывая, что как обвинители, так и обвиняемые имели советские паспорта, это было весьма серьезным обвинением, поскольку внутри Советской компартии уже начались чистки.

Стенографические отчеты «дискуссии» в ЮАБ по этому вопросу цитировались выше. Об этих событиях также писал представитель Профинтерна в южной Америке Яков Марианский⁴⁴: «Советы, возникшие в Чили в июне 1932 г., вызвали бурную дискуссию в Бюро, где тт. Гуральский и Инес формально обвинили представителей Латиноамериканской Профсоюзной конфедерации в подрыве партийной дисциплины, что якобы выразилось в поддержке и помощи этих товарищей, находившихся на месте событий, созданию советов»⁴⁵. Представительство Профинтерна в Южной Америке восприняло обвинение как покушение на свою независимость и попытку Гуральского поставить под свой контроль эту организацию, формально независимую от ЮАБ и подчиненную непосредственно Москве.

Конфликт привел к официальным обвинениям против Гуральского со стороны нескольких деятелей Коминтерна, просьбе о переводе представителя Профинтерна в регионе Якова Марианского,

---

⁴⁴ Марианский-Дутлингер Яков Маркович (1885 – 1937) – член компартии Польши, редактор «Журналь де Моску».(ред.)

⁴⁵ Меморандум представителя Профинтерна в Южной Америке Марианского о его разногласиях с главой Южноамериканского бюро Коминтерна А. Гуральским, 22.11.33, РЦХИДНИ, Ф.534.оп.3.д.910.

а также к решению Исполнительного Комитета Коминтерна вывести Гуральского из ЮАБ. Однако после принятия этого решения его воплощение было отодвинуто из-за невозможности найти адекватную фигуру для его замены в аппарате Коминтерна.

Меморандум Марианского хранится в архиве как приложение к служебному письму Синани Секретарю Исполкома Коминтерна Мануильскому с предложением о замене Гуральского. Хотя в нем изложены различные причины замены, среди них можно уловить реальные мотивы его перевода из Монтевидео: «Вопрос о замене товарища Гуральского пока висит в воздухе из-за отсутствия кандидата, я уже проверил представителей почти всех национальностей, но те, кто годится, заняты, а тех, кто не годится, товарищ **Пятницкий** отвергает, и не без оснований. Между тем, положение товарища Г. – не говоря уже о том, что мы уже давно решили заменить его – весьма нестабильно, к тому же у него проблемы с паспортом. Его арест после трех лет работы может привести к аресту целой сети связных. Поэтому необходима его срочная замена»⁴⁶.

Финал этой истории был печальным для всех ее российских и восточноевропейских участников. Как Синани, так и Гуральский со своей женой и правой рукой в ЮАБ Инес Тульчинской, а также Марианский пали жертвами большого сталинского террора в 1937 г. Взаимные обвинения, предъявленные во время дискуссии по «чилийскому вопросу» в 1932-1933 гг. (нерешительная борьба с «троцкизмом», «нарушение партийной дисциплины», «волонтеризм», бойкот «советов», а также умышленно неверные инструкции «братским партиям», не позволившие им возглавить победные революции) стали частью их судебных дел.

Влияние внутреннего конфликта в аппарате Коминтерна на КПЧ

Отдавало ли себе отчет руководство КПЧ о глубине конфликта, порожденного так называемой «чилийской дискуссией» в аппарате Коминтерна? Мы считаем, что нет. Об этом не упоминают в своих воспоминаниях ни чилийские коммунисты, поддерживавшие официальную линию, ни диссиденты. В рамках политической культуры коммунистического движения носители слова из генштаба ми-

---

⁴⁶ Меморандум Синани Мануильскому о замене Гуральского на должности главы Южноамериканского бюро Коминтерна, 25.07.33, РЦХИДНИ, Ф.534.оп.3.д.910.

ровой революции воспринимались вне критики. Когда речь шла об европейских эмиссарах, к этому добавлялись некоторые элементы провинциализма повседневной традиционной чилийской культуры. Несомненно, они отдавали себе отчет в различии критериев разных инстанций Коминтерна и его посланников, а также в их письменных указаниях, поэтому обычно выбиралось мнение, более близкое к своему, и это оправдывало уже совершенное или то, что намеревались совершить.

Лишь некоторые из участников конфликта побывали в Чили и были лично знакомы с верхушкой местных коммунистов. Посланники Коминтерна выражали свою озабоченность и нежелание подключать КПЧ к своей внутренней дискуссии, протестуя против децентрализации переписки с чилийской компартией (что указывает на существование такой практики). Так, посланник Профинтерна в своем письме из Чили в январе 1934 г. указывал: «Что касается личных писем, считаю, что надо ограничить метод курьеров. Они пишут письма всем подряд, тоном Бюро, и я считаю, что их письма могли бы ограничиваться Секретариатом, иное дело личные письма, написанные в других местах, но и они должны исходить от тамошнего руководства. В одном письме, написанном этим курьером, говорится о брошюре Грове и о том, что Синани охарактеризовал его как мелкобуржуазное движение, после чего «делается заключение, что он не согласен с Синани»... Этот тон письма ясно говорит о том, что ответственный товарищ из руководства не согласен с самим руководством Латиноамериканской секции»⁴⁷.

Когда один из руководителей КПЧ, депутат-рабочий Хосе Вега, в одном докладе фамильярно и иронически намекал на стиль Гуральского, наверняка услышав это от одного из посланников Коминтерна («это мне кажется очень в духе Хуана де Дьос»⁴⁸), это показалось крайне фамильярным сотрудникам ЮАБ и было осуждено. В том же докладе говорится: «Из-за этого вздора мы видим еще один опасный факт в личных письмах. В одном письме это товарищ говорит следующее: «Многие считают, что селитра закончилась (как сказал бы дон Хуан де Дьос), что у селитры нет перспективы. С моей точки зрения, это ошибочно... селитра играет и будет играть большую роль.» Т.е. здесь Эрнан⁴⁹ снова в противоречии с Бюро по

---

⁴⁷ Informe del enviado de Profintern desde Santiago, 5 de enero de 1934, - РЦХИДНИ, Ф.534.оп.4.д.498.

⁴⁸ Carta de Chile (Informe de Vega), 26 de diciembre de 1933, - РЦХИДНИ, Ф.495.оп.106.д.34; Хуан де Дьос – один из псевдонимов Гуральского.

⁴⁹ Эрнан Лаборде – член руководства КПЧ.

столь важной теме. Это письмо было получено раньше, чем т. Вега выехал в селитряный район и осуществлял там свою деятельность на основании «позиции Хуана де Дьос по поводу краха селитряной промышленности». В письмах он писал, что все против позиции Хуана де Дьос, что означает тенденцию поиска разногласий с Бюро, более того, этот т. Вега отвечая на вопрос о задачах, поставленных перед ним Секретариатом для реализации на Севере, пишет: «Вы говорите о коротких курсах и думаете, что за день можно подготовить курсы и найти людей, ЭТО МНЕ КАЖЕТСЯ ВЕСЬМА В ДУХЕ ХУАНА ДЕ ДЬОС». Мы подготовили собрание с Вегой, потому что, по моему мнению, он проделал большую работу в отношении «ошибочной линии Хуана де Дьос», не только по поводу «оценки селитры», но и стиля работы партии»⁵⁰.

КПЧ усвоила, что новая универсальная религия тоже может иметь различную интерпретацию, что можно апеллировать к конклаву кардиналов по поводу действий миссионеров и даже местных епископов, но только дождавшись подходящей обстановки. В вышеупомянутом конфликте все участники были русскими или из Центральной Европы. Два года спустя чилийские коммунисты сформулировали непосредственно в Москве свою критику действий эmissара Коминтерна в Чили, перуанца Эудосио Равинеса. Эта критика также стала частью его дела на Лубянке в 1938 г., но это уже другая история.

---

⁵⁰ Informe del enviado de Profintern desde Santiago, 5 de enero de 1934, РЦХИДНИ, 534.4.498.